

УДК 821.21, 397.4

И. Ю. Котин

ГОЛОС ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

Индийский текст индийской диаспоры отражает основные этапы южноазиатской миграции, но также выражает проблемы и чаяния нового поколения южноазиатов, уже родившихся или выросших на новой родине, далекой от индийского субконтинента, а также мысли и мечты тех, кто остался в Индии, Пакистане, Бангладеш, но связан с ними родственными, кастовыми, земляческими, дружескими узами. История литературы диаспоры — это история миграции из исторической Индии, оседания и деятельности выходцев из Южной Азии на новой родине.

В настоящее время за пределами Индийского субконтинента проживает более 20 млн индийцев, пакистанцев и бангладешцев, которые не порывают связей с родиной. При этом многие из них вовлечены в тесные контакты и с выходцами из Южной Азии в других странах, что позволяет говорить об особом явлении — *южноазиатской диаспоре*.

В 1983 г. в Индии был введен термин «*праваси*» — иностранный индиец, зарубежный соотечественник. В 2000 г. индийское правительство создало специальную комиссию, которая подготовила доклад, представленный премьер-министру Индии А. Б. Ваджапаи в декабре 2001 г. Так как общее число зарубежных индийцев определялось при этом в 20 млн чел., очевидно значительное увеличение численности и значения зарубежной индийской диаспоры. Упомянутая комиссия собирала информацию именно об индийцах, не учитывая пакистанцев и бангладешцев, и разделила их на три категории: лица индийского происхождения, индийские граждане и лица без гражданства. При этом страны со значительным числом зарубежных индийцев можно разделить на две группы:

- 1) страны со значительными меньшинствами индийского происхождения;
- 2) страны, где временно проживает значительное число индийских граждан.

К первой группе относятся Малайзия с 1 млн 600 тыс. лиц индийского происхождения, Маврикий с более чем 700 тыс. зарубежных индийцев, Тринидад и Тобаго с полумиллионным индийским населением, Гайана с почти 400 тыс. гайанцев индийского происхождения, Фиджи с 336 тыс. индийских фиджийцев, Реюньон (220 тыс.), Сингапур (217 тыс.), Суринам (150 тыс.), Йемен (100 тыс.). Вероятно, к этой категории относится и Южная Африка, где в начале 1980-х годов проживало 792 тыс. зарубежных индийцев. В ряде стран, прежде всего в богатых государствах Персидского Залива, индийцы появились сравнительно недавно, их статус не определен, и перспективы их дальнейшего пребывания там неясны. Как правило, они сохраняют индийское гражданство. Индийских граждан много в Саудовской Аравии (1500 тыс. чел.), Объединенных Арабских Эмиратах (900 тыс.), Омане (311 тыс.), Кувейте (294 тыс. чел.), Бахрейне (130 тыс.), Катаре (130 тыс. чел.). Число индийцев в данных странах внушительно, но, как правило, после многолетнего пребывания в этих странах индийцы-рабочие и торговцы возвращаются домой. Их семьи тоже часто остаются в Индии. Здесь вряд ли можно говорить об этни-

ческих меньшинствах в полном смысле этого слова. Вероятно, это части транснациональных общин, члены которых проводят часть жизни за рубежом, но потом возвращаются на родину, где остаются их ближайшие родственники. В то же время в самой Индии эти рабочие и их семьи выделяются на фоне других индийцев и, принадлежа и Индии, и зарубежью, отличаются от большинства населения обоих миров.

Если к установленному Комиссией числу индийцев в Великобритании (1200 тыс.) прибавить число пакистанцев (670 тыс. по оценкам на 2001 г.) и бангладешцев (228 тыс. по оценкам на 2001 г.), то мы получим цифру, превышающую 2 млн чел. В Канаде помимо 851 тыс. зарубежных индийцев проживают также 38650 пакистанцев и не менее 12 тыс. бангладешцев. Не менее 100 тыс. южноазиатов из Фиджи, Гайаны, Вест-Индии и неучтенные нелегальные иммигранты из Индии, Пакистана и Бангладеш также должны быть прибавлены к этому числу. Таким образом, общее число выходцев из Южной Азии здесь превышает 1 млн чел. В США помимо 1678 тыс. индийцев проживают не менее 500 тыс. пакистанцев и десятки тысяч американских бангладешцев. Общее число выходцев из Южной Азии в США превышает два миллиона человек.

Не только увеличение количества зарубежных индийцев требует внимания, но и их растущее влияние в странах, где они нашли новую родину. На Маврикии и на Фиджи индийцы уже составляют большинство населения. В Танзании, Уганде, Тринидаде и в Великобритании индийское лобби оказывает существенное влияние на экономику и политику страны. Во всех этих странах заметно культурное влияние индийцев, а монументальным выражением индийского присутствия за рубежом стал возведенный в 1995 г. в центре Лондона беломраморный индуистский храм Шри Сваминараян Мандир. В то же время сохраняются многочисленные и разнообразные контакты южноазиатской диаспоры со странами субконтинента. Отмечается перемещение групп южноазиатов из одной страны в другую. Южноазиатская диаспора является сложной и находящейся в постоянном развитии системой, характеризующейся гибкой, порой глобальной структурой родственных, клановых, конфессиональных связей между субконтинентом, и странами оседания, реагирующей на политическую и экономическую ситуацию в мире и отдельных странах.

Нам известно о том, что еще в первые века нашей эры происходил выезд торговцев, администраторов и священнослужителей из Южной и Восточной Индии в Юго-Восточную Азию, а из Западной и Юго-Западной Индии в Восточную Африку. Этот процесс, однако, не захватывал значительные массы населения в силу сложностей морского путешествия и религиозного запрета на пересечение морских вод — «кала пани». Завоевание англичанами Южной Азии и переход значительных территорий субконтинента под прямое управление британской короны во второй половине XIX в., подчинение других территорий, в том числе Вест-Индии, части Восточной Африки и Юго-Восточной Азии, привело к включению Индии в мировую систему колониальных владений Великобритании, в рамках которой преимущественно и шла в дальнейшем миграция из Индии.

После отмены в 1833 г. рабства англичане не сумели избежать ухода негров с плантаций вглубь вест-индских островов, прежде всего на Ямайке и Тринидаде, и вместо последних сюда стали привозить наемных рабочих из густонаселенных владений Британии — индийских. Несколько британских владений, получивших название «сахарных колоний», — Тринидад, Гайана, Маврикий и Фиджи приняли особенно значительное число индийских рабочих. За пятьдесят лет, с 1880 по 1930 г., которые польский демограф А. Марианьский определил как время массовой миграции из Индии, выходцы из

разных областей Южной Азии осели во многих британских владениях и образовали значительные меньшинства. Индийцы появились в качестве рабочей силы, а также как торговцы и ростовщики в Юго-Восточной Азии, причем это были преимущественно тамилы, хотя присутствовали и панджабцы-сикхи, гуджаратцы и синдхи. В XIX–XX вв. формировались индийские этнические меньшинства в Юго-Восточной Азии, на территории обретших позднее независимость Бирмы, Малайи (Малайзии), Голландской Индии (Индонезии), Сингапура. В Бирме (нынешняя Мьянма) индийцы составили большинство населения самых крупных городов, они занимали важные позиции в бизнесе и британской колониальной администрации. В Сиаме (нынешний Таиланд), сохранившем независимость, хотя и испытывавшем английское и французское влияние, проникновение индийцев было не столь внушительным, зато оппозиционные британской власти группы, в частности члены индийской революционной партии «Гадр», нашли здесь убежище. В Малайе индийцы составили значительную часть сельскохозяйственных рабочих, а также предпринимателей. В Сингапуре и Шанхае (где существовал европейский квартал) панджабцы-сикхи образовали костяк британских армейских и полицейских соединений.

В 1947 г. Британская Индия обрела независимость, но не избежала раздела страны по конфессиональному принципу. С этого момента преимущественно индийская по происхождению община в диаспоре оказалась разобщенной. В 1972 г. распад Пакистана на собственно Пакистан и Бангладеш привел к дальнейшей путанице в терминах. В данном исследовании используются главным образом термины «индийская» и «южноазиатская диаспора», а пакистанцы и бангладешцы рассматриваются как часть южноазиатской диаспоры. После 1947 г. вслед за Индией независимость получили другие британские колонии: в 1948 г. — Бирма, затем — Малайя (Малайзия), Вест-Индия, Гайана, Восточная Африка. Недавно, в 1996 г., под юрисдикцию Китая перешел Гонконг (Сянган), причем более пяти тысяч живших там индийцев переехали в Англию.

Нет никакого сомнения, что уже с первых лет существования за рубежом индийцы создавали песни, другие произведения устного жанра, отражающие печальный опыт «кангани» и «нарак» — тяжелого подневольного труда в колониях. Однако эти песни, сказания, другие следы «устной истории», «устного творчества» еще предстоит найти и собрать исследователям. Более определенно об «индийском тексте» можно говорить в связи с распространением средневековой эпической поэмы на авадхи «Рамачаритаманаса» Тулсидаса — переложения санскритской «Рамаяны» и примыкающей к ней поэмы «Ханумана-чалиса». Это, однако, еще индийские тексты, получившие распространение в диаспоре. Как таковое письменное творчество, создание собственного «текста» диаспоры раньше всего началось в «сахарных колониях» Англии в Вест-Индии.

Образ плантационной жизни — это «*митха хун*» — «сладкая кровь». Сахар дает «сахарным колониям» жизнь и закрепощает в «сладком плене» плантационных рабочих-индийцев. Эта тема звучит в произведениях Сэмуэля Сельвона «Тростник горек» (1957) и Дэйвида Дейбидина «Песня раба» (1984 г., на материале фольклора). Редкое описание жизни плантационного рабочего в бараках близ посадок сахарного тростника дано в мемуарах Тотарама Санадхья, прибывшего на Фиджи 23 мая 1893 г. на корабле «Джамна», 21 год проведшего на острове, сперва в качестве рабочего, затем ставшего фермером, затем — священником и вернувшегося в 1914 г. в Индию, опубликованных на хинди в 1994 г. под названием «*Бхут лейн Ки катха*» («История чертовой улицы»). В книге описаны ужасы коммунальной жизни в тесных «проклятых» бараках. Говорится в ней и о вече-

рах за хуккой (кальяном) в своеобразном клубе-притоне Хануман-дхока, и о рецитации «Рамаяны» среди рабочих-индусов. Исследовавший роман Виджай Мишра замечает: «В тексте [«Рамаяны»] есть, конечно, все, что созвучно рабочему по *гирмиту* [соглашению]: 14 лет изгнания эпического героя Рамы, испытания в черном лесу Дандак, кража его жены Раваной. Наконец, возвращение в мифическую Айодхью» [5. P. 122].

В то же время тема родины звучит и в других произведениях. В стихотворении индо-маврикийца Сомдатта Бухори Индия представляется автору маленькой деревушкой в Бихаре:

Bharat
Sabse pahale
Ham Biharion ka
Uttar ka
Ek Chota sa
Gaon hota ...

(Индия
Прежде всего
Для нас, бихарцев,
С севера
Представляется
Маленькой деревенькой).

Собранные и опубликованные в 1985 г. воспоминания индийцев Тринидада, названные “The Still Life” содержат те же темы: адский труд и адские условия жизни, тоска по родине, мечта о возвращении, страх перед неизвестностью, с которой связано это возвращение.

В 1940–1950-е годы на Тринидаде, в Суринаме, Гайяне появляются произведения индийцев, как правило, журналистов, адвокатов, врачей, учителей по профессии, пробившихся в ряды местной элиты благодаря образованию, часто полученному в протестантских миссионерских школах. Второе поколение индийской интеллигенции уже заявляет о себе громче, обыгрывая местные «колониальные» сюжеты, но не замыкаясь на них. Пример такого выхода в мировую литературу — литератор и писатель во втором поколении, лауреат нобелевской премии в области литературы Видьядхар Сурадх-прасад Найпул.

В. С. Найпул родился на Тринидаде в городе Чагуанас в семье индийского брахмана. Предки Найпула были родом из Соединенных Провинций. Отец писателя работал в газете «Тринидад Гардиан». По настоянию отца Найпул уехал учиться в Оксфорд. Тринидадское правительство предоставило талантливому молодому человеку из влиятельной индусской семьи стипендию. По завершении учебы в Оксфорде В. С. Найпул стал сотрудничать с различными газетами и выбрал писательское ремесло. При этом он поддерживал связи с родиной, много путешествовал, а жил преимущественно в Англии. Славу Найпулу принес роман «Дом для мистера Бисвас» (“A House for Mr. Biswas”), в котором, как и в книге «Мистический массажист» (“Mystic Masseur”, 1957) рассказывается о поиске индо-тринидадцами своей идентичности. Оставшаяся без главы семьи и кормильца семья Бисвас не в состоянии самостоятельно справиться с проблемами. Ей помогают, однако, близкие и дальние родственники — единственная опора в Тринидаде, разделенном между индо-тринидадцами и афро-тринидадцами.

Найпул напоминает нам об одной из главных тем литературы индийцев зарубежья — «мифе о возвращении». Вот что пишет в своем романе «Дом для мистера Бисвас» Найпул об индо-тринидадцах: «они постоянно говорили о возвращении в Индию, но когда возникала такая возможность, многие отказывались, пугаясь неизвестности, боясь лишиться уже привычной временности своего здесь пребывания».

Итак, Индия — это та Индия, в которую постоянно стремятся, но в которую не возвращаются, которую, по словам Тагора, «каждый индиец берет с собой», та Индия, которую, по словам Найпула, индийцы, привозя с собой, «расстилают перед собой, словно ковер».

Примечательно, что герои Найпула следуют путями южноазиатской диаспоры. Действующее лицо романа «Поворот реки» (“A Bend of River”, 1979) — мусульманин Салим открывает магазинчик в африканском городке на берегу реки, где-то в Уганде или Кении. Салим добивается успеха в своем скромном бизнесе, но ему не достичь большего в стране «Большого Человека» — Президента, где индийцам — «азиатам» отведена роль людей второго сорта.

Примечательно, что В. С. Найпул уже давно проживает в Англии, олицетворяя таким образом судьбу многих индо-тринидадцев. Рожденный в семье индийских иммигрантов в Вест-Индии, он, ощущая себя «человеком просто» и «гражданином мира», сохраняет память о своих индийских корнях, а страной проживания выбрал Великобританию.

Авторы так называемой «старой диаспоры», т. е. потомки законтрактованных рабочих, привезенных в «сахарные колонии» Англии — Фиджи, Маврикий, Тринидад, а также в Гайяну, пишут как на стандартном хинди, так и на его региональных вариантах языка — фиджи-хинди, сарнами (хиндустани), основанных на диалектах майтхили, бходжпури и др., на креольском английском и на *патуа* — креольских языках, в основе которых лежит язык французских поселенцев. На фиджийском хинди написана повесть индо-фиджийца тамильского происхождения Субрамани, названная им «Даука Пуран». Рассказчик в повести носит звучащее имя Фиджи-лал. Фиджи-лал повествует об истории семьи индо-фиджийца Калу, для которого важны как индийская, так и кастовая идентификация. Калу гордо носит звание раджпута и добивается, чтобы даже породнившийся с семьей «белый» сотрудник миротворческих сил приехал в дом за своей невестой — дочерью Калу — на коне, с обнаженной саблей, согласно кастовым традициям, предписывающим определенное поведение жениха во время брачной церемонии.

С конца XIX в. Северная Америка стала предметом мечтаний многих индийцев, жаждавших улучшить свое материальное положение и не видевших перспектив такого улучшения в Индии. При этом некоторая поверхностность американского лоска при сохранении индийской натуры нередко была темой для юмористических произведений индийских авторов. Одна из наиболее известных новелл на эту тему принадлежит классику литературы урду Кришану Чандру. См. «Амрика се вапас аневала хиндустани» («Индиец из Америки») в сборнике «Ек рупайа, ек пхул» («По рупии цветов») Лахор. 1960. Приехавший из Америки индиец глуп, надменен, привязан к вещам. И все-таки такими благополучными людьми чаяли стать многие выходцы с индийского субконтинента.

Приезд индийцев в Северную Америку стал массовым только после 1961 г., зато возникновение большой и влиятельной общины «американских индийцев» породило весьма богатую индо-американскую литературу на английском языке, создаваемую как американцами

индийского происхождения, так и индийцами, побывавшими в США и вернувшимися на родину. Один из таких интересных романов — «Наследство разоренных» (“Inheritance of the Loss”) Киран Десаи.

Действие романа происходит как в глухом пригималайском местечке близ непальской границы, так и в Америке, куда отправился за лучшей долей сын повара главной героини. Молодой человек, которого зовут Биджу, чудом попал в Америку после настоящей осады и штурма американского консульства сотнями искателей лучшей доли. Однако, не имея средств к существованию, Биджу не обрел легкого счастья. Ему пришлось работать во многих закусочных — итальянском ресторане, китайской закусочной, индийском вегетарианском заведении. В конце концов Биджу лишился и такой работы. На последние накопления Биджу покупает билет домой. Все его покупки по дороге домой достаются грабителям. Не только не осуществилась его «великая американская мечта», но и более скромная мечта о накоплениях на черный день на родине оказалась под угрозой. «Черный день» наступил. На родине — беспорядки. А удастся ли сохранить остаток накоплений, спрятанных Биджу? Это вопрос, на который автор не дает ответ. Но Киран Десаи не только рассказывает «американскую сагу» Биджу. Яркими мазками дается вся картина жизни диаспоры: «Биджу уже успел узнать, как во всем мире относятся к его соотечественникам»:

«В Танзании, если бы могли, выкинули бы их вон, как сделали в Уганде.

На Мадагаскаре, если бы могли, выкинули бы их вон.

В Нигерии, если бы могли, выкинули бы их вон.

На Фиджи, кабы могли, выкинули б их.

В Китае их ненавидели.

В Гонконге.

В Германии.

В Италии.

В Японии.

На Гуаме.

В Сингапуре.

Бирма.

Южная Африка.

Их не любит.

Гваделупа. Любят их здесь?

Нет» (К. Десаи. С. 113–114).

Конечно, многое автором и ее героем утрировано, но, бесспорно, сложности адаптации не позволяют индийцам за рубежом забыть о родине, способствуют культивированию родины, «мифа о возвращении» на родину, нашедших отражение в «бегущем индийском тексте» американского и вообще западного кинематографа.

Интересно также сравнить это видение Индии индийцами диаспоры и индийцев диаспоры представителями большинства, например американцами. Г. Каймал попыталась проанализировать, каков же образ индийца или южноазиата в целом, создаваемый американскими средствами массовой информации [3]¹. Вот некоторые из образов, рассмотренных Каймал.

В фильмах «Свадьба в муссон» и «Играй как Бекхем» индийцы представлены как традиционалисты, ценители семейных ценностей и консерваторы. Америка изображена как край свободы и неограниченных возможностей, а Британия в одном из этих

фильмов представлена как страна, в которой возможности выходцев из Южной Азии уже исчерпаны. Добавим, что в последнем фильме, имеющемся в российском кинопрокате и транслировавшемся по одному из каналов телевидения (ТНТ), главная героиня, девушка из семьи британских сикхов, переезжает в США со своим американским другом, дабы осуществить свою мечту — стать профессиональным футболистом, мечту, которую ей не удалось осуществить на родине футбола — в Англии.

Другой фильм, не попавший в обзор Г. Каймал, — «Болливуд-Голливуд». Это довольно слабый римейк голливудской мелодрамы «Красотка». Примечательно, что все главные герои фильма — индийцы, которые испытывают дискомфорт, пытаются одновременно сохранить южноазиатские традиции, в частности брачные нормы и иерархию в семье, но боятся оказаться вне жизни американского общества на положении неблагополучных маргиналов. При этом, стремясь к достижению успеха в своем американском «сегодня», индо-американцы идеализируют свое индийское «вчера». Отец главной героини фильма — таксист-сикх, который считает Панджаб раем на земле, лучшим краем на свете, жить, однако, предпочитает в Америке. Этот таксист буквально помешан на индийских фильмах, смотреть которые он может на видеокассетах и по кабельному телевидению. Дом этого сикха с его укладом — «островок Индии» за пределами субконтинента. Однако дочь таксиста не желает жить по правилам, предписываемым ей индийской традицией. Она находит себе работу «ненастоящей невесты», сопровождающей молодых людей в ситуациях, когда им требовалось предстать в семье с подругой и будущей женой. Здесь чувствуется довольно слабая попытка индийского режиссера найти аналог проститутке, главной героине «Красотки», римейком которого является «Голливуд-Болливуд»². В этой постановке видно, однако, влияние индусской традиции. То, что возможно в англо-американской традиции, хотя и там маловероятно, в индийской ситуации представляется абсолютно невозможным. Даже в Америке индианка, павшая до положения «жрицы любви», не мыслится способной подняться по социальной лестнице до статуса невесты миллионера.

Еще один индийско-американский римейк американской и английской киноклассики — болливудский фильм «Невеста и предубеждение» (“Bride and Prejudice”) — римейк английских и американских экранизаций романа Джейн Остен «Гордость и Предубеждение» (“Pride and Prejudice”). В болливудском римейке главные героини — индийские (панджабские) девушки, ищущие свое счастье и находящие его в браке с американцами. При этом Британия показана транзитным пунктом на пути девушек в Америку, местом, где одна из них совершает ошибку, а другая, вероятно, будет частым гостем, ибо выходит замуж за богатого индийца, живущего в США, но чьи родители поселились в усадьбе напротив Виндзорского замка. Итак, Англия, по мысли режиссера, для многих индийцев диаспоры — вчерашний день, а будущее индийцев диаспоры — Америка. Америка, однако, не идеализируется, а делающий это мистер Холи (индус, прототипом которого у Остен был мистер Коллинс) — обладатель заветной зеленой иммиграционной карты представлен в смешном свете. Сам Холи отправляется в Индию за невестой, ибо американок, даже индо-американок он находит испорченными западным обществом.

Рассматривая кинопродукцию собственно американских студий, Г. Каймал отмечает, что в фильмах, особенно в телевизионных «мыльных операх», чаще всего дается образ «врача-азиата», как правило, выходца из Индии. Нередко, однако, «врачи-азиаты» в США — индийцы, переехавшие в США из Великобритании. Парминдер Награ, игравшая главную роль в «Играй как Бекхем», в телесериале «Комната скорой помощи»

(“Emergency Room”) исполняет роль врача-индианки, иммигранта из Великобритании. Она — одна из многих индийских врачей, получивших возможность переехать в США после 1965 г., когда в этой стране упростили систему иммиграционного контроля, добродушный, внимательный специалист, выгодно отличающийся от многих изображенных в сериале. Известно, что Американская Ассоциация врачей из Индии (ААПИ) чрезвычайно влиятельна. Индийские врачи часто ведут на телевидении передачи, посвященные проблемам здоровья. Таков, например, доктор Санджай Гупта, ведущий на популярном американском телеканале CNN программу, посвященную проблемам здоровья. Г. Каймал отмечает при этом, что доктор Гупта — индеец, родившийся в США, прекрасно говорящий на американском английском, и потому его восприятие телезрителями США не является трудным.

Иммигрант из Индии для большинства американцев — персонаж экзотический. Средства массовой информации используют как экзотичность индийских персонажей, так и невежество большинства зрителей. Героя одного из таких фильмов (“Royal Tenenbaums”), например, зовут Пагода, и известно, что он из Калькутты. В другой мыльной опере (“Friends”) появляется эксцентричный приятель одной из героинь — индеец Викрам. Упомянув Викрама, Г. Каймал отмечает, что южноазиаты в американском кино — не основные герои, а «второстепенные эксцентричные персонажи» [3. P. 10].

Не исключение среди персонажей и анимационные образы. Таков, в частности, Апу — хозяин маленькой лавочки, второстепенный герой популярного американского мультипликационного фильма «Симпсоны». Апу все время сталкивается с какими-то проблемами. То его преследуют чиновники иммиграционной службы (у Апу не все в порядке с документами, он прибыл в страну как студент и остался по истечении срока действия визы), то он пытается решить проблему контроля за рождаемостью в своей семье, ибо у его жены все время появляется по восемь детей сразу. Здесь мы видим создаваемое американцами и эксплуатируемое средствами масс-медиа опасение по поводу наплыва индийских иммигрантов. Примечательно, что жена Апу хоть эпизодический, но очень яркий персонаж мультфильма. Она постоянно одета в традиционные индийские *шалвар-камиз* (широкие штаны и рубаху), у нее длинные черные волосы, она говорит на экзотической смеси английского и хинди. В то же время стереотипы американцев в отношении к индийцам связаны с отрывочными представлениями о индийской философии и знакомством с ее понятиями. Поэтому Апу воспринимает стойчески все неприятности, ссылаясь на их кармическую природу — категорию, которую вряд ли используют реальные индийцы-лавочники в США, но которая привлекала американцев со времен проповедей Вивекананды.

В Британии ситуация несколько иная. Индийцы — слуги, сипаи и айи-няньки впервые оказались на Альбионе вместе с «набобами» — англичанами-нуворишами. Образ Индии в Британии неотделим от образа раджи периода британской власти в Южной Азии, времени успеха, славы в сказочно богатом, но по-восточному неоткровенном, коварном, коррумпированном и развращенном крае. А между тем индийцы, приезжающие в Англию, видят такой богатый, но развратный и развращающий Вавилон в Англии. Не исключение — Лондон-Вавилондон, описанный Саланом Рушди.

Салман Рушди — британский писатель индийского происхождения. Его роман «Сатанинские стихи» получил бурные отклики во всей Южной Азии, Иране, в арабском мире. Мастер пера, признанный новеллист и публицист, лауреат самой престижной в Англии премии Букера за литературное творчество, автор нашумевших романов «Гри-

мус», «Дети полуночи», «Стыд» Салман Рушди на пике популярности опубликовал в 1988 г. книгу, которая не могла не вызвать критики, споров, возмущения среди мусульман мира и скандальной славы в мире.

Роман «Сатанинские стихи» представляет собой стилизацию под характерную для литератур Индии и арабского Востока «обрамленную повесть» — длинное повествование с одним основным и бесконечным множеством дополнительных сюжетов². Все комментаторы соглашались, что роман Рушди содержит сатиру на пророка Мухаммада и Коран. Имя пророка прямо не называется, но высмеиваемый в «Сатанинских стихах» Махаунд очень напоминает пророка Мухаммада. Роман содержит также сатиру на имама Хомейни. Однако первые негативные оценки на книгу пришли не из Ирана, а из Индии, и касались они именно использования вымышленного имени Махаунд, созвучного английскому *my hound* ('моя собака').

Описанный Рушди «Вавилондон» («город видимый. Но не видный») через десятилетие после выхода романа уже приобрел как минимум два четко выраженных, видимых и отмеченных индийскими «знаками-символами» района — Саутолл («Маленький Пенджаб») на западе и Брик Лейн («Маленькая Бенгалия») на востоке Лондона, в историческом районе проживания иммигрантов — Ист-Энде. Неслучайно это название — «Брик лейн» дала своему роману англо-бенгальский автор Моника Али.

В романе Моника Али «Брик лейн», за который автор была удостоена премии Буккера, дается параллельное описание жизни двух сестер, одна из которых осталась в Бангладеш, а другая была выдана замуж за осевшего в Лондоне бенгальца, куда она и переезжает к мужу. В романе дана картина жизни мультикультурного района Лондона Тауэр Хэмлетс и в первую очередь его бангладешского анклава на улице Брик лейн.

Брик лейн, увиденная главной героиней, — это улицы с надписями на бенгали, индийскими ресторанами, мечетями, рынками, полные одетых в хиджаб домохозяйек, молодых безработных парней, готовых идти на митинги и творить погромы от безделья, но во имя какой-либо красивой идеи. Увиденная Назнин Брик лейн — это и кусок Англии, и часть Бангладеш, и пересечение путей всех народов, иммигрантский рай и иммигрантский ад.

Итак, индийский текст индийской диаспоры неразрывно связан со страной происхождения — исторической Индией. Даже если эта историческая родина проклинается или умышленно игнорируется тем или иным героем, этот герой неотделим от нее. Эта незримая, но глубокая связь персонифицирована в героине Салмана Рушди. Героиню романа «Клоун Шалимар» назвали Индия: «Свое имя она не любила. Где это слыхано, чтобы людям давали такие имена... Так или иначе, но имя Индия не подходило ей никоим образом. Оно было экзотично, колониально и с претензией на принадлежность к чуждой ей реальности, и она внушала себе постоянно, что для нее оно совсем не годится. Она не желала ассоциаций ни с простором, ни с необычностью поведения, ни с темпераментностью, ни с перенаселенностью; не хотела быть ни древней, ни шумной, ни таинственной, избави боже. Ни за что не желала иметь отношение к стране третьего мира. Совсем наоборот» [10].

Да, именно так, отталкиваясь и дистанцируясь от прошлого покинутой родины, индийская диаспора тем не менее не становится органической частью мира, который ее принял. Точнее, став неразличимой частью этого мира, диаспора перестает существовать. Пока же она есть и плодотворно создает свой «индийский текст».

Примечания

¹ Болливуд — шутивное название Бомбейской киностудии, созданной по образцу Голливуда и специализирующейся на производстве мелодрам на хинди, а также римейков — фильмов, снятых по мотивам популярных картин, но действие которых перенесено в Индию или, как видно в рассматриваемых фильмах, в страны диаспоры, обычно в Британию или США.

² Изложение содержания романа дается по М. Салганик [11] и Е. Калинниковой [8].

Литература

1. Fifty Caribbean Writers: A Bio-Bibliographical Critical Sourcebook / Ed. by D. C. Dance. London; New York, 1990. 525 p.
2. *Gayatri Gopinath*. Impossible Desires: Queer Diasporas and South Asian Public Cultures. Durham and London: Duke University Press, 2005. 237 p.
3. *Kaimal G.* In the Land of Milk and Honey: Media and the Indian American Diaspora // Paper delivered at 18th Conference of EASAS. Lund, July 2004. 16 p.
4. The Encyclopedia of the Indian Diaspora / Gen. ed. B. V. Lal. Singapore: Didier and Millet, 2006. 416 p.
5. *Misra V.* Voices from the Diaspora // Ibid. P. 120–139.
6. *Mustafa F. V. S. Naipaul*. Cambridge, 1995. 225 p.
7. *Али М.* Брик-Лейн. М., 2005. 637 с.
8. *Калинникова Е.* «Феномен Салмана Рушди» // Азия и Африка сегодня. 1997. № 1–2.
9. *Котин И. Ю.* Рождение Банглатауна. Бангладешцы в лондонском Ист Энде // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 13. СПб., 2003. С. 81–88.
10. *Рушди С.* Клоун Шалимар. СПб., 2007. 510 с.
11. *Салганик М.* Послесловие к роману Рушди «Стыд» // Иностранная литература. 1989. № 9.